

Я привык бродить один

Рут Татрис

Рут нечасто удавалось выпускать самку леопарда на волю. После возвращения из Индии она практически не позволяла себе разгуливать в зверином облике, но в конце концов самка все же победила, вырвавшись на долгожданную свободу. Чтобы обезопасить себя и обитателей монастыря, Рут ушла далеко в горы на пару дней, сделав небольшую стоянку в дне пути от монастыря, чтобы наверняка не наткнуться ни на кого из местных людей. Она спрятала лук, колчан и небольшой походный рюкзак с одеялом и верным потрепанным подсумком в нишу между двумя большими валунами неподалеку от звериной тропы и теперь бродила кругами неподалеку от схрона.

Быть индийским леопардом на Тибете по меньшей мере странно - ей гораздо привычнее были густые заросли джунглей, наполненные запахами гниения, зелени, жирной земли и диковинных цветов, распускающих свои цветы на длинных тягучих лианах. Тибет был голым по сравнению с буйными красками Индии, здесь приходилось охотиться по-другому, учиться сливаться с окружающими камнями и стараться не наступать на хрустевшую от каждого шага сухую траву. Весна еще только начиналась, и земля не успела покрыться свежей порослью.

Она выслеживала кабаргу, и сейчас сидела в засаде за небольшим валуном, вот уже минут пятнадцать не двигаясь и следя за добычей. Вот животное снова отвлеклось на пожухлую траву, потеряв бдительность. Самка леопарда прыгнула вперед, но когти царапнули о камень, издав слышимый звук, и кабарга, трусливо подняв голову, моментально дала деру. Большая кошка не стала ее догонять, только досадливо трянула большой головой и повела усами, оцетинившись. Снова неудача. Пройдет еще много времени, прежде чем она приспособится к этим новым для нее условиям и перестанет промахиваться.

Тору Мотидзуки

Тору нравилось в монастыре. Несмотря на неосознанное стремление проводить всю свою жизнь в некоем поиске, цели которого не понимал он сам, там японец ощущал себя на своем месте. Его вечно мечущийся дух, несмотря на годы практики так и не поддавшийся полному приручению, последнее время чувствовал себя, на удивление, спокойно, не требуя от тела великих свершений. Но, как известно, привычка – вторая натура, и Мотидзуки, способный похвастаться немалым количеством решений, кажущихся людям, далеким от происходящего в его голове, странными и нелогичными, в какой-то момент снова почувствовал тягу если и не к переменам в образе жизни, то... К каким-то переменам уж точно.

Тору и сам не мог сказать, что именно заставило его собрать походный рюкзак и отправиться в горы. Просто, в один прекрасный момент, у него возникло смутное желание идти куда-то, не разбирая дороги, которое постепенно окрепло и стало настолько сильным, что японец не смог оказать ему должного сопротивления. И вот, окончательно проиграв в битве с проснувшейся жаждой бродяжничества, Тору покинул монастырь, захватив с собой из оружия только вакидзаси, и полностью

отдался на волю сильным и готовым к долгому путешествию ногам.

И он ушел далеко... Намного дальше, чем планировал, позволяя себе лишь небольшие остановки для отдыха, а потом снова отправляясь путь, чувствуя, что минута повернуть назад еще не настала. Ветер, время от времени собирающийся с силами и нападающий на идущую по горной тропе маленькую фигурку, раздувал одежду и путал отросшие волосы, но, несмотря на все свои усилия, не мог совладать с человеческой волей, толкающей путника в неизвестном ему направлении. *Что ждало впереди?* Тору не знал, он просто шел, и сейчас ему этого было достаточно.

Рут Татрис

Сильный ветер принес в ее сторону новый, незнакомый ей запах. Кошка подняла голову, принюхиваясь, затем повернулась в ту сторону, откуда прилетел несносный ветер. Она узнала этот запах - запах человека, мужчины - но человек был ей не знаком сам по себе. Рут мало с кем общалась в монастыре и тем более не знала местных тибетцев из деревни у подножия горы, на которой расположился монастырь. Она сама была не любопытна, но ее кошка не разделяла ее взглядов, и ей не терпелось посмотреть, что за путник обретается здесь, в горах, вдали от человеческого жилья. Она сошла со звериной тропы и прямо через камни отправилась на запах, стараясь держаться в стороне и возле валунов, за которыми, если что, можно укрыться. Леопард - осторожный хищник, а индийский леопард, не бывающий до этого в тибетском нагорье - еще и к тому же неопытный. Какое-то время Рут в облике большой пятнистой кошки спускалась вниз по камням, но очередной порыв ветра донес до нее свежий запах добычи. Кабарга паслась где-то в стороне, а кошка была голодна, за долгое время наконец выбравшаяся из человеческого тела.

Не так долго раздумывая, как следовало бы, самка леопарда свернула вбок, прижалась брюхом к камням и покралась вперед, ожидая за следующей группой валунов обнаружить заветную добычу, пока не увидела ее, возле одного из дикорастущих кустов можжевельника, также известного как вереск. Клыкастое рыльце как раз отвернулось в противоположную от Рут сторону, поедая верхние свежие веточки, уже распустившиеся молодыми нежно-зелеными листочками, и это был просто идеальный момент, чтобы напасть.

Кошачье тело сжалось как тугая пружина, задние лапы напряглись и с силой бросили кошку вперед, на свою жертву. Когти снова протяжно взвизгнули по каменной гальке, но эту кабаргу нужно было не упустить. В несколько гигантских прыжков Рут настигла добычу, заматавшуюся по полянке, и напрыгнула сверху, придавливая ее своим телом к земле, а затем вцепилась клыками в шею. Не самая тихая охота, надо признать.

Тору Мотидзуки

Несмотря на наличие перерывов между конкретными переходами, Тору начал ощущать накапливающуюся усталость и все увеличивающуюся с каждым часом тяжесть рюкзака. Раньше он никогда не забредал так далеко от человеческого жилья, предпочитая окрестности деревни и монастыря, а его последний пеший поход состоялся еще, наверное, в школьном возрасте. А, поскольку, даже самое

тренированное тело в определенный момент начинает требовать отдыха или хотя бы смены однотипных движений на что-то другое, Мотидзуки начал присматривать подходящее для небольшой стоянки место, чтобы восстановить силы и размять затекшие от долгого ношения рюкзака плечи.

От поисков подходящей площадки, на которой бы плюс ко всему можно было хоть сколько-нибудь укрыться от ветра, Тору отвлек странный шум, раздавшийся от него в относительной близости. Вздвогнув от неожиданности, японец закрутил головой по сторонам, пытаясь определить его источник, но, так и не обнаружив ничего конкретного, замер на одном месте, пытаясь расслышать что-нибудь еще.

Постепенно привлекий Мотидзуки шум изменился, превращаясь в негромкое шуршание и возню и вызывая в голове у мужчины всевозможные картины, связанные со сценами из жизни животных, запомнившиеся ему по научно-популярным фильмам, просмотренным еще в детстве. В том, что издающее подозрительные звуки существо не ходит на двух ногах, японец не сомневался, поскольку не мог представить, чем таким должен заниматься человек, чтобы создавать подобные шумы. Выудив все свои знания, касающиеся местной фауны, Тору пришел к выводу об отсутствии в округе страшных хищников, что дало ему возможность удовлетворить проснувшееся любопытство и все же попытаться определить источник шума. Чем японец и занялся, направившись в сторону привлекий его внимание звуков и замирая каждые несколько шагов, чтобы понять, не повлияло ли его приближение на происходящее неподалеку действо.

Рут Татрис

Соленая кровь хлынула из разорванного горла прямо в пасть пятнистой кошке, отчего та утробно и низко заурчала от удовольствия, не отпуская свою добычу до того самого момента, пока она, в предсмертии бывшая ногами в воздухе, едва не попадая острыми копытами прямо по боку самке леопарда, не затихла окончательно, испустив последних хрип. Тело в зубах обмякло и, вялое, значительно потяжелело. Кровь почти остановилась. Кошка поднялась с земли, все еще удерживая в пасти шею кабарги, и огляделась вокруг. Инстинкты требовали найти какое-то возвышение, чтобы спрятать добычу там и спокойно попить свежим мясом, но вокруг не было ни единого дерева, способного выдержать вес двух животных, а низкие кустарники для этой цели совершенно не подходили. Зато неподалеку обнаружилась пара крупных валунов, прислоненных друг к другу верхушками, что вполне можно было использовать как площадку для пиршества, и кошка поволокла тушу, мешающуюся ей между лапами, к валунам.

Человеческий запах, ранее замеченный ей ниже по горному склону, теперь совершенно не чувствовался из-за соленого металлического привкуса крови, залившей чувствительное к запахам заднее небо, и кошка теперь понятия не имела, близко или далеко находится случайный путник, оказавшийся поблизости. Лишь только оказавшись возле заветных валунов, откуда открывался дополнительный обзор, она заметила человеческую фигуру метрах в десяти от себя.

В любой другой бы момент кошка развернулась и по возможности избежала встречи с человеком, скрывшись где-нибудь в холмах, но запах крови, будораживший инстинкты, а также наличие в пасти добычи, которую во что бы то ни стало нужно

было сберечь и сохранить, совершенно выключили в кошке те крохи человеческого, что в ней все еще были. Кошка решительно выпустила добычу из пасти, перешагнула ее, топорща гладкую шерсть на загривке и, ощерившись и низко зарывав, двинулась на человека, роняя на камни капли крови, стекающую из пасти.

Тору Мотидзуки

Тору всегда считал, что контроль над своими эмоциями и чувствами – признак настоящего мужчины, а потому прилагал все усилия, чтобы соответствовать сложившемуся в его представлении образцу. И все шло хорошо до тех пор, пока его истинная натура любопытного и вспыльчивого мальчишки не начинала брать верх, заставляя совершать нерациональные поступки. Вот и сейчас, несмотря на призыв голоса разума, жажда новых открытий погнала японца проверять, что за животное могло привлечь его внимание и разнообразить затянувшуюся прогулку интересными событиями.

О своем излишнем любопытстве Тору пожалел практически сразу, но упрямые ноги все гнали его к источнику подозрительных звуков. В какой-то момент Мотидзуки услышал, что зверь перешел к активным действиям и затормозил, но было уже поздно. Не более чем через минуту после отказа от движения навстречу неизвестному животному перед ним возник леопард, появление которого в горах Тибета было столь же уместно, как заваривание чая в ботинке.

Соревноваться с хищником, способным развивать скорость автомобиля, Тору посчитал абсолютно безумной затеей, а потому замер на месте. Полученные за время жизни в монастыре знания о способности человека превращаться в самых разных животных подсказывали, что этот леопард не был сбежавшим из зоопарка хищником. А значит, оставалась надежда на проблеск у него человеческого сознания, способного остановить зверя до того, как тот успеет совершить нечто непоправимое. Мотидзуки не слишком верил в божественный промысел, но сейчас был готов возносить молитвы любому божеству, способному оградить его от надвигающейся опасности.

Рут Татрис

Человек не двигался, замер на одном месте, и самка леопарда кралась навстречу, низко угрожающе рыча, словно пытаясь отогнать назад незваного гостя, нарушившего ее единение. Он был вооружен, уж слишком сильно оружие на его поясе напоминало те мачете, что носили браконьеры в лесах между Индом и Гангом, и слишком хорошо врезались в кошачью память те солнечные блики на остро заточенном лезвии, которые сулили ей смерть от рук охотников. Багряные пятна крови на камнях. Багряные пятна крови на ее руках и лице, когда она затем смывала их в реке, уничтожая остатки воспоминаний, которые помнила слишком смутно, чтобы в полной мере считать их своими.

Инстинкты кричали опасность, инстинкты приказывали атаковать раньше, чем атакует вооруженный человек. Запах и вкус крови на языке будоражили все ее животное естество, задавливая внутри, в тесной решетке из ребер, человеческое начало, все еще пытающееся пробиваться наружу сквозь древние, как сама природа, животные повадки.

В мгновение ока кошка бросилась вперед, целясь расставленными лапами в грудь человеку. На глаза попала знакомая эмблема Дао, вышитая на рукаве куртки, а в голове изорванным ритмом, вторя ударам сердца, простучало когда-то давно услышанное "Ом гам гамапатае намохам". В зверином взгляде мелькнуло мимолетное узнавание. Скорректировать прыжок она уже не успела, и выпущенные когти чиркнули в воздухе в опасности близости от человеческого тела.

Многие годы назад она вот так же стояла напротив самки леопарда, защищающей свою территорию и свое потомство, готовясь к схватке, из которой вынесла три длинных шрама на бедре. Как так получилось, что она сама оказалась на месте кошки, бросившейся на человека?

Тору Мотидзуки

Леопард приближался, заставляя сердце Тору пуститься отчаянный «пляс». Пока он не видел в глазах хищника ни малейшего проблеска человеческого сознания, что каждое новое движение животного превращало его шансы на спасение в пыль. Инстинктивно Мотидзуки ухватился за рукоять вакидзаси. Сейчас он не был готов пустить оружие в ход, понимая его невысокую эффективность и способность еще сильнее разозлить леопарда, уничтожая в нем любые крохи человеческого, но прикосновение к мечу если и не успокаивало, то хотя бы не давало удариться в панику.

Как бы не были хороши отточенные постоянными тренировками человеческие реакции, они не могли сравниться с врожденными способностями хищника. Когда дикая кошка сорвалась с места и полетела на японца, тот резко дернулся в сторону, не слишком надеясь на успех, если та в последний момент не очнется и не притормозит. И оказался прав. Возникшая в момент столкновения человека и зверя возня, вероятно, спасла ему жизнь, но так и не дала возможности избежать острых когтей леопарда.

Правую руку и бок обожгло болью, а сам он оказался на земле, практически беззащитный перед хищником. В отчаянии, Тору попытался вытащить вакидзаси из ножен здоровой левой рукой, стараясь не смотреть на полученную рану. А леопард тем временем был совсем рядом, неся угрозу в каждом своем движении.

- Да приди же ты, наконец, в себя. Ты такой же человек, как и я, а не дикий зверь!

Тору очень сомневался, что его слова возымеют какое-то действие, но был готов делать и говорить что угодно, чтобы выторговать себе хоть несколько минут. Видимо, из него не получился бы настоящий самурай, он слишком цеплялся за жизнь и совершенно не стремился к достойной смерти. Хотя гибель от когтей леопарда в Тибетских горах – менее достойную и более нелепую смерть невозможно было и представить.

Рут Татрис

Когти нашли свою цель, вспоров податливую одежную ткань и не менее податливое нежное тело, оставив на коже заметные отметины. Кошка тяжело приземлилась на землю неподалеку от своей нечаянно жертвы, неловко, неумело. Заныли суставы, смягчающие грубый прыжок.

Позже Рут долго будет думать, что именно послужило тем отправным моментом, благодаря которому человеческая сущность, запертая глубоко внутри звериной ипостаси, все-таки сумела сломать прутья своей клетки, и придет к мнению, что, возможно все сразу - и бросившийся в глаза символ Дао, вышитый на рукаве монастырской куртки и ныне окропленный кровью, и мантра, глухо вторившая ударам сердца где-то на краю подсознания, и воспоминание слишком человеческое для животного, и, возможно, даже оклик незнакомца, внезапно пробившийся сквозь заполонившие ее существо инстинкты и добравшиеся до того человека внутри, что так отчаянно рвался наружу. Что бы ни было из всего этого, своей цели оно достигло.

Кошачье тело, висевшее над оказавшимся на земле беззащитным путником содрогнулось в болезненной судороге, лапы подломились, и кошка едва не рухнула прямоком на мужчину, но удачно скатилась вбок. Вспышка боли сузила мироощущение до ослепляющей точки, пока тело менялось, перестраиваясь из звериного в человеческое, оставляя вместо пятнистой крупной кошки сгорбившуюся и уткнувшуюся головой в землю молодую женщину. Ее сотрясала мелкая дрожь, но, не дожидаясь, пока закончится болезненная для нее трансформация, Рут попыталась подняться на слишком ватные ноги, что удалось ей только с третьей или даже четвертой попытки. Медленно уходившие прочь инстинкты все еще предупреждали об опасности и вооруженном человеке в непосредственной близости. Лишь только сумев утвердиться на своих ногах и выпрямившись, Рут сглотнула подступивший к горлу ком и затем снова опустилась на колени на землю, потому что ноги ее держать явно отказывались.

Тору Мотидзуки

Говорят, в момент смертельной опасности ты начинаешь думать о том, что для тебя действительно важно. Тору не знал, насколько это утверждение соответствует действительности. Сейчас он думал только об окровавленной морде леопарда и страшных когтях, уже успевших оставить глубокий след на его теле. И да, пожалуй, на данный момент дня него не было ничего важнее.

Хоть Мотидзуки уже и не рассчитывал на благополучный исход сложившейся ситуации, находящийся в звериной шкуре человек все же смог перехватить власть и, сначала напугав японца попыткой упасть прямо на него, откатился в сторону и начал возвращаться на свое законное место. Понимание, что ему все-таки удалось избежать смертельной опасности, отняло у Тору последние силы, окончательно распластав его на земле и заставив прерывисто дышать, наслаждаясь каждым новым глотком воздуха.

Наконец, предприняв некоторые усилия, мужчине все же удалось повернуть голову и посмотреть сначала на раненые руку и бок, а затем на ту, что стала причиной его попорченной шкуры. О ранении на первый взгляд можно было сказать одно – все плохо. Когти успели глубоко вонзиться в тело, вызвав обильное кровотечение. Радовало только, что рука пока шевелилась, но и это, с учетом стремительно покидающей тело крови, являлось слабым утешением. О женщине же, которая только что носила роскошную пятнистую шкуру, японец не знал ничего, кроме того, что ей сейчас приходилось немногим лучше, чем ему самому. Глядя на ее

мучительные попытки встать, Тору попытался выдавить из себя пару слов, но, в итоге, получил нечто больше напоминающее не связную речь, а мычание. Пожалуй, его радость от спасения была преждевременной, и впереди ждало еще немало проблем и отчаянных поисков их решения.

Рут Татрис

Дурнота из тела уходила очень медленно, и все это время Рут предпринимала все новые и новые попытки прийти в себя как можно скорее. Если бы она оставила саму себя в покое и просто дала себе время, этот процесс произошел бы так или иначе, но она чувствовала себя незащищенной, вот так оставаясь на коленях посередине Тибета. Отсутствие оружия ее нервировало, у нее не было с собой даже простого кинжала. Она не предполагала, что неожиданная встреча все-таки произойдет, ведь ей казалось, что она предприняла все меры осторожности для того, чтобы не попасться на глаза случайному человеку.

Наконец ей удалось сесть ровнее и сфокусировать взгляд на мужчине. В том, что он был из монастыря, Рут уже не сомневалась, но, как ни старалась она вспомнить его, в памяти ничего не шевелилось - она его не знала. Что было совсем не удивительно, учитывая, как мало она общалась с кем-то из обители, предпочитая им всем собственного сына и уединение.

- У вас кровь, - сообщила она так, словно человек напротив мог вдруг ее не заметить на собственной одежде, и привычно потянулась к под сумку, чтобы извлечь из него бинты, но рука мазнула по пустому поясу - под сумок вместе со всем ее нехитрым скарбом остался спрятанным в схроне выше в горах. Нужно было пока обойтись без него. Пошатываясь, она все же встала на ноги, чтобы приблизиться к мужчине для оказания ему первой помощи, и с облегчением, видимым незаметным глазом, присела уже возле него, втайне радуясь возможности еще немного посидеть поближе к земле. Рана даже без пристального осмотра выглядела нехорошо, но знакомо, ведь когда-то точно такие же когти оставили и ей на памяти несколько длинных рубцов. - Позвольте, я помогу. Я могу наложить жгут из ремня и постараться остановить кровотечение, но в этих условиях это все, что я могу сделать. Выше в горах у меня на стоянке есть бинты.

Тору Мотидзуки

Глядя на мучения женщины, связанные с последствиями ее возвращения в человеческую оболочку, Тору не испытывал мстительной радости. Охватившее его чувство скорее можно было назвать сожалением. Все эта ситуация казалась ему абсурдной до невозможности. Сам он пострадал из-за собственной неосторожности, а той, кому еще недавно пришлось сражаться со звериными инстинктами, еще предстояло немало повозиться с последствиями встречи человека и дикого животного.

Замечание о наличии у него крови, находящейся совсем не там, где было задумано природой, Тору встретил молчанием. Он прекрасно знал о своей проблеме, но, сдержав рвущееся едкое замечание, не стал портить и без того изначально незадавшейся контакт с опасной в своей звериной форме незнакомкой, считая неуместный комментарий следствием несколько измененного состояния сознания.

- С благодарностью приму любую помощь, - радуясь вернувшейся возможности складывать отдельные звуки в слова, проговорил японец. С некоторым трудом он приподнялся на здоровой руке, стараясь принять сидячее положение, и на пару секунд скривился от резкой боли в боку. - Что потребуется от меня?

Большинство полученных во время тренировок ран Мотидзуки лечил способом — чем-нибудь залепил или смазал, и через пару дней все пройдет. Но сейчас был явно не тот случай, чтобы заниматься самолечением, так что Тору предпочел довериться, как ему показалось, более опытному в таких вещах человеку и следовать всем указаниям полевого врача.

Рут Татрис

Сознание вернуло себе ясность последним, уже перестали дрожать и руки, и в теле обосновалась его привычная стойкость, а вот голова прояснилось не сразу, неохотно отпуская от себя инстинкты дикой кошки. Но она все же услышала столь необходимое ей разрешение оказать помощь.

- Довериться мне и сейчас пока не двигаться, - ответила Рут. Через разрывы ткани хорошо были видны длинные параллельные кровавые полосы раненой плоти, оставленные кошкой. Охотница закатала рукав до плеча, освободив рану от одежды, то же самое проделала и с раной на боку, чтобы оценить степень повреждения более точно. В ее движениях не было нервозности или излишней эмоциональности, хотя она была вынуждена признать, что произошедшее значительно выбило ее из колеи. Рут потерла ладони друг от друга и задержала их над раной, с трудом настраиваясь на работу с энергией. От ее рук потек холод, притупляющий боль и заметно замедляющий ток крови из разорванных тканей, но это было все, чем она могла помочь, прибегнув к своим особенным способностям, которые были отнюдь не так высоки, чтобы полностью поправить положение. То же самое Рут проделала и со следами на боку, где когти прошли лишь поверхностно - весь основной удар приняла на себя рука.

Она быстро расстегнула ремень охотничьих брюк и высвободила его, чтобы наложить на поврежденную ее когтями руку. Затянула ремень выше отметин, дабы кровотечение, слегка замедлившееся от действия энергии синего цвета, не возобновилось вновь от движения. С ранами на боку незнакомца дело обстояло не такое простое. Но Рут, недолго думая, сначала сняла кожаную куртку, затем - тонкую хлопчатобумажную водолазку, оставшись в майке, и без особенной жалости хладнокровно разорвала ее на длинные полосы ткани, которых должно было хватить, чтобы обвязать ими туловище мужчины.

- Этого должно хватить, чтобы дойти до стоянки. Там я смогу лучше обработать раны. Вы можете встать?

Тору Мотидзуки

Женщина своим умением собираться и не паниковать в непростой ситуации производила положительное впечатление и вызывала готовность следовать всем ее указаниям. Которые, по факту сводились к одному — не мешать. Она явно не первый раз имела дело с ранами и хорошо понимала, какие действия могли если не избавить ее пациента от страданий, то, хотя бы, заметно их облегчить. С

необычными способностями обитателей монастыря унимать боль и залечивать даже самые непростые раны Тору уже ранее сталкивался, поэтому практически не удивился, когда незнакомка, осмотрев последствия встречи тела с когтями зверя, произвела над ними загадочные манипуляции, снимающие боль и замедляющие кровотечение.

-Спасибо. – Тору не знал, что еще сказать человеку, готовому разорвать собственную одежду, пустив ее на перевязочный материал. Вся эта ситуация с попаданием в когти леопарда и последующими попытками его человеческой сущности вернуть японца в приемлемое физическое состояние была странна до невозможности. Ну что же, он желал получить какой-то знак, показывающий, что пришло время закончить свое путешествие, и он его получил. Пусть и в такой своеобразной форме.

- Да, конечно. – Опираясь на здоровую руку, Тору приподнялся и, сделав некоторое усилие, принял сидячее положение. Долго не засиживаясь, чтобы не свести к минимуму свой небольшой успех, японец сделал еще несколько аккуратных движений и все-таки принял желанное вертикальное положение. Перед глазами немедленно заплясали разноцветные огоньки, но опыт работы с собственным организмом на пределах возможностей и несколько дыхательных упражнений помогли Тору вернуть себе уверенность в том, что он не собирается заваливаться в ближайшие несколько минут и способен, по окончании всех необходимых процедур, вполне успешно транспортировать себя сам.

Рут Татрис

Мужчина все же встал, и Рут подставила ему для опоры свое плечо. Она была крепче прочих женщин, ее тело было закалено многочисленными нагрузками, получаемых не в тренажерном зале, но в природных условиях, и она не видела ничего зазорного в том, чтобы раненый, даже если он и мужчина, принял ее помощь в транспортировке. Сложность заключалась только в том, что она не могла обхватить его рукой за пояс, опасаясь задеть свежие раны на боку.

- Здесь недалеко, минут пятнадцать выше в горы, - предупредила она, поднимая взгляд в гору, туда, куда им предстояло подниматься. Она хорошо знала эти места, давно изучив их за то время, пока жила в монастыре все эти годы. За то время, пока она была в Индии, здесь ничего не поменялось, разве что тощие деревца стали чуть пушистее, чем раньше, но все также прижимались к земле, словно боялись подняться повыше. И камни...камни были те же самые.

Лишь только метров через тридцать Рут кинула беглый взгляд на тушу кабарги, и внутри заворочалась голодная кошка, так и не успевшая приступить к обильной трапезе. Запах и вкус крови лишь ненадолго притупили ее алчность, и сейчас голод разгорался с новой силой. Быть может, ей удастся вернуться за добычей, но, вероятнее всего, к тому моменту от туши останется только один запах - здесь много желающих полакомиться результатами чужого труда. А ведь эта кабарга далась большой кошке не без труда.

Но уже в следующее мгновение Рут повернула голову вперед, приказывая пятнистой самке замолчать и свернуться где-то внутри в ожидании следующей

охоты. Сейчас не время предаваться игрищам. Ей нужно исправить сотворенное когтями, получившими слишком много свободы.

- Как вы? – через какое-то время молчаливого пути спросила она у незнакомца, имени которого пока не знала и не считала уместным спрашивать. По крайней мере до тех пор пока не минует опасность кровотечения.

Тору Мотидзуки

Его боевой настрой заметно поубавился, когда выяснилось, что держаться на ногах совсем не так просто, как ему изначально казалось. Голова предательски начала кружиться, и хоть ему не хотелось лишней раз напрягать женщину, он все же предпочел не геройствовать, а воспользоваться подставленным ему плечом, пусть и стараясь, при этом, не давить на него свыше необходимости.

Взгляд женщины, направленный на тушу кабарги, не ускользнул от его внимания, заставляя недовольно поморщиться, вспоминая собственную глупость, выгнавшую его прямо в когти голодного хищника. Тору считал, что уже давно вышел из возраста любопытных юнцов, способных ради сомнительного зрелища рисковать своей шкурой, но сегодня он своим поведением продемонстрировал, что явно себе льстил, проигнорировав голос разума и напоровшись на неприятности, как глупый мальчишка.

- Все нормально, я справлюсь. - На вопрос женщины, нарушивший их молчание, Тору ответил, стараясь не слишком преувеличивать свои возможности. Его организм привык к большим нагрузкам, и хоть он впервые попадал в подобную ситуацию, искренне верил, что сможет справиться и не стать для своего добровольного лекаря еще большей обузой, чем он был на данный момент. Страха, что зверь снова может взять верх над сознанием человека и закончить начатое, Тору не испытывал. Его чувства притупились, а все мысли крутились только вокруг одного - добраться до цели, о местонахождении которой он мог только догадываться. Что же будет после... Тору не знал, но верил, что ему на роду написано что-то более значительное, чем смерть в горах от ран и отсутствия должного медицинского ухода.. Женщина, обещая помощь, говорила вполне уверенно, и он не видел причин ей не доверять, пусть пока и не представлял, как будет добираться до монастыря, учитывая, что уйти от него он успел достаточно далеко.

Рут Татрис

А ведь все могло бы сложиться иначе. Если бы она не промахнулась, а ее когти нашли свою цель не просто на руке мужчины, а на его груди, куда она изначально целилась? Смогла бы она тогда, будучи в зверином облике, осознать, насколько большую ошибку натворила? Рут бросила еще один взгляд на собственные пальцы – и снова чужая кровь на ее руках. И если в прошлый раз она не знала, кто нашел погибель от ее когтей, то сейчас жертва, случайная и такая глупая, шла рядом, заставляя нечто, подобное чувству вины, неповоротливо ворочаться внутри, на том самом месте, где, по идее, сейчас находилась большая кошка.

Пятнадцать минут, казалось, длились целую вечность, но все имеет свойство заканчиваться когда-нибудь. Эти пятнадцать минут также не стали исключением, наконец, взору предстали слишком знакомые валуны на относительно ровной площадке, и Рут с облегчением заметила, что за время ее отсутствия здесь точно

ничего не изменилось. Обложенное мелкими камнями круглое кострище, небольшая куча хвороста, с таким трудом собранная на голом нагорье, а, главное, на первый взгляд нетронутый схрон под камнями. Остаться в горах без оружия не хотела бы даже она.

- Садитесь сюда, - предложила она, помогая мужчине подойти ближе к одному из валунов и опереться на него, чтобы опуститься на землю. Освободив руки, Рут немедленно запустила одну по локоть под приваленные друг к другу камни, откуда вынула верный и потрепанный временем подсумок. Следующим на свет появился худощавый рюкзак – она не имела привычки таскать с собой много вещей. Но уж тонкое одеяло у нее нашлось. Рут расстелила сложенный вдвое плед возле раненого, открыла подсумок и начала деловито вынимать на тот же плед набор шовных игл, нить, бинты, бутылку воды и порошки в небольших подписанных ее рукой бумажных конвертах.

- Раны на руке глубокие, лучше всего будет их зашить, так они заживут быстрее. Врачеватели в монастыре справились бы лучше, но ряд ли в ближайшее время стоит на них рассчитывать.

Тору Мотидзуки

Тору не знал сколько времени прошло с того момента, как они начали двигаться к неизвестной ему цели. Наверное, пролетели какие-то минуты, но ему казалось будто они идут не меньше часа. Реальность постепенно начала размываться, заставляя возвращать ее в исходное состояние усилием воли и дыхательными упражнениями, чтобы уже через минуту снова наблюдать за тем, как мир вокруг него снова начинает искажаться самым отвратительным образом.

Но, к счастью, любая пытка когда-нибудь заканчивается, и, наконец, они добрались до места, где, как он понял, женщина оставила свои вещи. Приземлившись, с ее помощью, рядом с какими-то валунами, Тору облегченно выдохнул, хотя его положение все еще трудно было назвать завидным. Пока раны никуда не делись, а перспективы не внушали особого оптимизма. Но, в любом случае, он был все еще жив, а значит удача оставалась на его стороне, поскольку немного людей выживало после встречи с когтями леопарда.

Краем глаза Тору следил за действиями женщины, которая сначала расстелила рядом с ним плед, а после начала выкладывать на него всевозможные средства, планируя в скором времени применить их на его драной шкуре. Ему раньше уже случалось получать серьезные травмы и даже пару раз повалиться из-за них в больнице, но вот полевая хирургия японцу не могла привидеться даже в страшном сне. Хотя в его положении желание жаловаться на судьбу было проявлением глупости и неблагодарности, а Тору не одобрял ни того, ни другого.

- Делайте все, что посчитаете нужным и... спасибо. - Тору прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Он не знал, что чувствует человек, когда его, находящегося в сознании, начинают зашивать. Но, похоже, в ближайшее время, у него должна была появиться возможность это узнать, пусть он и не испытывал от осознания этого особой радости.
